

УДК 101.2/3

Б.М. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ И ЭПОХА: В ПОИСКАХ САМИХ СЕБЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с пониманием сущности и характера современной эпохи и роли философии в осмыслении её проблем. Обоснован тезис, согласно которому имеет место недооценка философского знания, приведены соответствующие объективные и субъективные аргументы. Теоретические проблемы рассмотрены на примере развития национального государства, характера развития национальной философской мысли.

Достаточно безуспешные попытки последних десятилетий осмыслить происходящее в форме либо национальной идеи, либо иного теоретического системного продукта в своей основе имеют слабость национального философского знания, недостаточную развитость национальной философской традиции. Можно сколько угодно утверждать собственное философское величие, говорить об огромных достижениях национальной философской школы, но достаточно сформулировать несколько простых вопросов для того, чтобы стало понятно: здесь предстоит ещё большой путь и большие теоретические, интеллектуальные усилия. Скажем, попросите любого успешного студента назвать именно национальных философов, любых, пусть масштаба Конфуция и Платона, пусть уровня не столь высокого. В лучшем случае и достаточно ожидаемо вам назовут имена крупных белорусских писателей конца XIX – начала XX вв. В худшем – ответа вообще не последует. Или ещё: перелистайте учебники, специальные словари хотя бы стран-соседей в поисках крупнейших имён национальных философов – разочарование будет полным. Дело мало спасают попытки известных белорусских специалистов решить эту проблему путём написания многочисленных книг про «выходцев» из страны, добившихся замечательных результатов за рубежом. Кстати, это касается не только философов. Много пишут о художниках, уехавших, например, в Париж и сделавших там себе имя. Снимают об этом фильмы, но вот никто не заинтересовался проблемой «входцев», то есть лиц, приехавших к нам и здесь осуществивших некие эпохальные достижения. В этом нет ничего случайного, поскольку таких людей просто не было. Или почти не было (имею в виду советскую эпоху и миграцию кадров из России, Украины, других республик).

Когда сегодня говорят о трудностях формулирования той же национальной идеи, неудовлетворительных теоретических результатах этого процесса, то здесь налицо не только факторы объективного порядка (скажем, идея «не вызрела»); речь и о том, что мы просто не готовы ещё к решению задач такого масштаба и такого уровня. Но странное дело: вместо того, чтобы признать этот факт и направить усилия для системного решения проблемы, в частности, в общественном знании, мы пытаемся убедить себя, что дело не в том, что национальная философская школа нуждается в развитии и формировании соответствующей традиции, а в том, что мы её просто не знаем. То есть крупные философы, соответствующая традиция на самом деле есть, но нам всё это неизвестно в силу недостатков образовательного процесса или личной ангажированности (знать таких не хотим). Всё сказанное вовсе не означает, что сегодня философский цех страны ограниченно дееспособен. Сильная философская школа есть в Гродно, ряд известных специалистов успешно работают в Минске. В последние десятилетия вышли заметные энциклопедические издания, учебные пособия, монографии, соответствующая библиография хорошо известна, и в рамках данной публикации её приведение не-

целесообразно. Но отдельные (пусть заметные) успехи не решают проблемы в целом: говорить о том, что философы вышли за пределы локальных достижений и заявили о себе в обществе как серьёзный интеллектуальный компонент национального развития, всё же сложно. В этой связи остановимся на некоторых существенных моментах, задачах, профессиональный консенсус в отношении которых может позволить продвигаться вперёд.

Вначале – о масштабе тех проблем, которые ставятся. Великие философские системы – Маркса, Гегеля, Канта – создавались на основе новой интерпретации достаточно известных понятий, в результате чего формировался новый взгляд на мир. Понятно, что это результат титанических усилий, но нет ли впечатления, что такого рода задачи сегодня вообще не ставятся, планка требований (личных, со стороны редакторов, научных руководителей) существенно снижена и большинство работ формулируются по известному стандарту. Скажем, откройте сборники научных статей и заметите, что большинство материалов – локальные по характеру и духу, они локальны даже не по формулируемым проблемам, а по сознательному сужению поля, предмета исследований. Скажут: а что в этом плохого, в этом как раз и заключается цель написания статьи. Это бесспорно, но если абсолютное большинство материалов тех же научных конференций сугубо локальны, то какова сверхзадача проведения этих и иных научных форумов? А если «сложить» локальные достижения, мы автоматически получим некую «целостность»? Если бы так. Вот не кажется ли, что в том случае, когда возникла необходимость решения сложной системной проблемы (формулирование стратегии национального развития, национальной идеи, например), то воспитанные именно на локальных задачах и локальных проблемах кадры впали в теоретический ступор. То есть вывод здесь очевиден: для решения системных задач обобщающего порядка нужна постановка проблем не просто высокого теоретического уровня, а масштабных проблем. Здесь, конечно, имеет смысл вспомнить наследие советского теоретического прошлого. Кадры той поры были приучены к тому, что все стратегические задачи, все масштабные проекты, все системные вопросы решены раз и навсегда: читайте диалектический материализм и вникайте в материалистическое понимание истории. Всё, что остаётся, – это развивать марксизм-ленинизм в новых исторических условиях и совершенствовать его. Реликты подобного мышления наблюдаются и сегодня.

Возьмите требования, которые ВАК Республики Беларусь формулирует к нынешним аспирантам, диссертантам: научная новизна, самостоятельность, но на одном из первых мест всё же практическая значимость. Но вот ведь вопрос: практическая значимость часто рассматривается исключительно в рамках денежного эквивалента, то есть что и как можно иметь (соискателю, обществу, государству) в результате применения наработанных диссертантом результатов. Как представляется, в обществоведении акцент всё же должен быть несколько иным: что дала диссертация в плане реальных, системных мировоззренческих, идеологических результатов, путь даже альтернативных господствующим. Пусть даже перед этими текстами не стоит предикат «научный». И никого не должна пугать «оторванность от жизни» тех или иных материалов. Почитайте труды Нобелевского лауреата Альбера Камю: там ведь не только «жизнь», «практика», но и понимание абсурдности жизни. Найдите «Мифу о Сизифе» денежный эквивалент. Перелистайте работу Николая Фёдорова «Философия общего дела»; общее дело – это ведь воскрешение (реальное) всех ушедших ранее поколений людей. Вот такая практика, такой «выход к жизни». От философии не надо ждать рекомендаций сугубо прагматического характера; более того: нет единой философии, никогда её не было и никогда не будет. То есть результаты философских исследований могут быть и должны быть разными, даже диаметрально противоположными. От философии не надо ждать «объективной истины» в марксистском понимании: относительно истины есть и будут вечные

споры. Но вот чего можно ждать от философии в практическом аспекте – это попытки интерпретации (переинтерпретации) известных понятий, явлений, теоретического знания и формулировки нового взгляда на мир.

Мы вот сегодня достаточно часто утверждаем необходимость осмысления новой исторической реальности, в которой оказалась Беларусь в условиях независимого развития. Задача философов здесь заключается вовсе не в том, чтобы приложить какую-либо известную методологическую (парадигмальную) кальку к конкретно-историческому ходу развития и возвестить истину. Речь о другом: важности изучения, анализа и формулировки характера и качества этого национального развития, фокусировке внимания на её сущностных чертах, выборе существенного и дисквалификации вторичного и на этой основе обоснования смысла происходящего. Может оказаться, что этих «слов» окажется несколько? Очевидно, да. Но ведь вопрос не в том, кто прав, а кто нет, где «правда», а где «неправда». Вопрос в том, что наличие альтернатив отражает сам ход противоречивого общественного развития и даёт основание для выбора национальной стратегии. Много ли сегодня мы можем назвать таких интеллектуальных стратегий? Ответ очевиден.

В этом процессе нам не обойтись без персонификации интеллектуального процесса. И это вовсе не констатация особой жажды признания со стороны философов. Вовсе не стремление воплотить в жизнь известный завет Платона, согласно которому философы должны править миром. Дело в объективных основаниях процесса мышления в этой сфере, где личность и её идеи не могут быть отторгнуты друг от друга. Можно одновременно прийти к научному результату в сфере естествознания: открыть радио, расщепить атом и т.д. Но нельзя одновременно сформулировать социологическую теорию в том виде и форме, как это сделал, например, Питирим Сорокин. Нельзя сесть и написать работу уровня труда Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Нельзя сформулировать идею теократии так и в такой форме, как это осуществил, например, Владимир Соловьёв. Нельзя второй раз написать «Уединённое» или коробки «Опавших листьев», как это получилось у Василия Розанова. Философия действительно близка искусству, и всё то, что пишет философ, – это его личное творение, которое повторить практически невозможно. Но тогда – субъективизм? Да, субъективизм и не надо бояться этого пресловутого субъективизма в обществознании.

Мы с советских времён воспитаны так, что нам подавай истину, желательно проверенную экспериментально, доказанную, неоднократно верифицируемую. Позитивистские подходы живучи главным образом вследствие желания найти именно то основание, на базе которого высказанные мысли будут иметь характер, близкий естественно-научным результатам. Это старая и большая проблема обществознания, не будем углубляться в неё, сформулируем главную мысль: в философии мысль носит личный характер, и «объективировать» её можно лишь с очень большими теоретическими натяжками, создавая всё новые и новые предметные поля для дискуссии. Мы говорим о силе земного притяжения, не говоря, не вспоминая того, кто впервые сформулировал и обосновал эту идею. Но нам сложно говорить о теории общественно-экономических формаций, не вспоминая Маркса. Хотя, надо признать, именно Маркс, сделал столь много для того, чтобы превратить обществознание в науку, в частности, историю; отсюда известное материалистическое понимание истории. Пиетет перед позитивизмом понятен и обоснован: именно таким образом специалисты пытаются «онаучить», в частности, философию, историю, придать ей привычный для естествоиспытателей экспериментальный, верификационный вид. Но столь же очевидно и иное: теоретический протест против позитивизма носит не только исторический характер, он коренится в самой сути философского знания.

Могут сказать: таким образом, поставленный вопрос и его решение может привести к появлению множества взаимоисключающих концепций, где каждый волен говорить, что желает. Но, во-первых, не надо пугаться «множества концепций»: практика показывает, что их не может быть много, во всяком случае, вся предшествующая история развития знания свидетельствует именно об этом. «Бросить» мысль можно, и это в силах сделать очень многие. Но развить эту мысль, представить её в виде системы, обосновать выбор теоретических приоритетов и выйти за пределы интеллектуальной местечковости – это всё же штучное производство и результат деятельности лишь определённой категории людей. Во-вторых, альтернативность теоретических результатов, в том числе и философских, не просто «нормальная» практика научной деятельности. Это единственный путь развития теоретического знания, отражающий всю противоречивость социума и невятность в понимании перспектив развития. Можно в этой связи обосновать тезис о том, что у нас в республике превалирует стремление выйти на некую одну «правильную» мысль, единственно верную идею, которая позволит осмыслить происходящее и ближайшее будущее в максимально ясных и понятных большинству категориях. Но это вряд ли осуществимо. Философы Серебряного века в Российской империи были признаны истинными творцами вовсе не потому, что они наконец-то пришли к консенсусу относительно «правды» и «истины». И то, и другое у Н. Бердяева, Д. Мережковского, Н. Лосского, К. Леонтьева, С. Булгакова и многих иных было столь разноплановым, что скорее можно было говорить об интеллектуальном диссонансе, нежели о гармонии. Но в общем, совокупными усилиями была создана та среда, которая вошла в историю как время расцвета национальной философской мысли. Эта аналогия вполне применима к анализу коллизий сегодняшнего дня. То есть реальное продвижение вперёд возможно лишь тогда, когда будут восприняты и отработаны различные методологические установки: марксизм и постмодернизм, аксиология и этический компонент, религиозная эсхатология и позитивизм. Когда можно будет вести речь о появлении серьёзных и глубоких трудов, написанных с точки зрения прагматистского подхода, аналитической философии, экзистенциальных установок. Когда появятся труды, на первый взгляд, имеющие мало общего с философией, но философские по сути, по формулировке новых смыслов, по новой интерпретации имеющегося знания. Вспомним в качестве примера того же Василия Розанова: в его трудах не найти ни классической онтологии, ни постановки и решения гносеологических проблем. Но сколь же глубок он в понимании человека, в понимании общества, насколько велик его вклад в анализ «сиюминутного», «интимного», всего того, что ранее, до него, находилось на периферии внимания представителей философского цеха. Точно так же с системами знания. Принято утверждать, что в нашей (в широком значении этого слова) философской традиции истинным систематиком, в гегелевском духе, был вообще лишь один Владимир Соловьёв. Пожалуй, мыслителя уровня Владимира Соловьёва славянам ждать ещё долго. Но стремиться к системности изложения необходимо не потому, что «надо». Дело в том, что фактически каждая известная философская система отражает характер и сущность того времени, в рамках которой она создаётся. Любой подлинный философ живёт в рамках конкретного социума, и даже если он говорит о вещах «вечных» и предельно абстрактных, он говорит о себе и об окружающих его людях. Философ плоть от плоти эпохи, хотя это вовсе не означает, что его мысли, идеи существуют лишь в рамках данного социума. Философы по-разному могут осмысливать одну и эту же эпоху, но это как раз естественно и продуктивно. А вот попытки привести наше понимание к некоему общему знаменателю может принести вред.

Обратимся к нашей эпохе, если под ней понимать (узко) период становления реальной белорусской государственности или (в более широком плане) современную форму глобализационного мироустройства. Очевидно, что первое, о чём надо говорить, –

это характер и сущность самой эпохи. Она оптимистична или её перспективы тревожны и эсхатологичны? Её динамика свидетельствует о позитивных тенденциях или всё же мы можем зафиксировать стагнационные моменты? А может, вообще, имеет смысл вести разговор о «повторении пройденного», о том, что «нет ничего нового под солнцем»? Самый яркий пример – события в Украине, жестокая война. Ведь вовсе не случайно реанимируются старые (со времён последней войны) понятия «агрессия», «фашизм», «ненависть», «национализм»; пожилые люди легко находят аналогию между тем, что было, что пережито, и тем, что есть. Но если мы всё это переведём на философский язык, то можем констатировать, что социум движется по некоему кругу, причём этот круг явно порочный. Теория исторического круговорота достаточно популярна, её активно разрабатывают теоретики с незапамятных времён, и поэтому кто-то и сегодня может утверждать: вот новое доказательство этой старой истины, и всё, что нам остаётся, – это ждать, когда общество двинется дальше, для того чтобы вернуться всё к той же точке. То есть взаимной ненависти, убийствам ни в чём не повинных людей, новому переделу мира. Эти несколько слов об одной из альтернативных точек зрения на понимание эпохи и предпосылок её развития имеет смысл вспомнить не потому, что они отражают единственно верную точку зрения. Конечно, речь может идти и об иных основаниях в трактовке сути переживаемой нами эпохи. Мы можем, например, утверждать, что национальные приоритеты здесь связаны с созданием (впервые) реальной белорусской государственности, и в этом контексте сложно говорить о каких бы то ни было «круговоротах» или традициях. Какие могут быть традиции – если «впервые». Какое может быть «повторение пройденного», если фактически заново строится всё: и элиты, и политическая структура, и экономический фундамент.

Может быть, и иное понимание эпохи, связанное с появлением конкретной личности, которая не просто поставила некую высокую цель перед обществом, но и инициировала соответствующие процессы, осуществила жёсткие прагматические и не всегда популярные для всего общества действия в рамках достижения поставленной цели. В конечном счёте, всё зависит от угла зрения, подхода, понимания методологических приоритетов. Другими словами, было бы замечательно, если бы национальная философская мысль рассмотрела характер эпохи во взаимоисключающих парадигмах знания на основе различных методологических подходов. От классических, рациональных, до неклассических, постмодернистских, с привлечением арсенала таких наук, как семиотика, феноменология, герменевтика и т.д. Наверняка возникла бы потребность и в «новой интеграции» знания, теоретическом совмещении всех достижений гуманитарной мысли и появлении новых методологических концептов на основе уже «новой рациональности». Как это происходит, например, сегодня в праве, где группа Санкт-Петербургских учёных разрабатывает новую интеграционную концепцию права на основе идеи коммуникации. Понимание характера современной эпохи в контексте национального развития, её перспектив, конечно же, дело не одного ума, пусть универсального. Нужны усилия многих представителей национальной школы, нужны усилия национального Института философии. Нужна соответствующая программа и соответствующий коллектив авторов, который рассмотрит данную тему. Неизбежны ли в этом случае разночтения и столкновения позиций? Очевидно, да. Надо ли этого бояться? На наш взгляд, нет.

Здесь важен не только сугубо «эпохальный» момент, достаточно абстрактный. Любой разговор об эпохе, любые попытки осмысления характера этой эпохи, её сути и перспектив имеют прямое отношение к каждому человеку, каждому гражданину. Вспомним старые лозунги советских времён от «Наши дети будут жить при коммунизме» до «Я такой другой страны не знаю, где так вольно дышит человек». В данном случае не будем полемизировать, где здесь, правда, а где, скажем мягко, искажение истины. Отметим иное: таким образом заданное понимание общества, его перспектив фор-

мирует (и успешно формировало!) соответствующий психологический настрой, понимание не только общегосударственных, но и личных перспектив. Ведь когда ехали поднимать целину, строить БАМ, то делали ведь это искренне, с верой в справедливость и правильность как тех целей и задач, которые ставились перед людьми, так и собственного выбора. Верили – и побеждали. И вера эта не разрушала, а помогала жить и строить. Здесь вообще-то достаточно сложная диалектика между должным и сущим. Чтобы быть более понятным, вспомню статью одного московского литератора, которая называлась «Обмани меня». Автор, дитя эпохи, циник и прагматик, призывал работников сферы обслуживания (прежде всего) к обману. То есть на Западе работники улыбаются посетителям не искренне, а по принуждению, хотят заработать денег, «вежливая услуга» входит в перечень услуг, они, по сути, обманывают. А вот наши работники честны: вообще-то не любят посетителей, кто-то их даже ненавидит, и эту нелюбовь они и демонстрируют. Автор статьи предпочитает, чтобы его обманывали, как на Западе, и не были честны, как у нас. Он и призывает обманывать: покажите, что вы меня любите, что я вам нужен. Даже если вы сделаете это неискренне, я буду вам благодарен. Нечто похожее можно утверждать и по поводу идей, лозунгов, призывов. Ведь никто не может сказать с полной уверенностью и на основе «железобетонных» аргументов что тот или иной лозунг, та или иная цель правдива, истинна и непоколебима. Нет ни таких людей, ни такого характера целеполагания. Следовательно, на первый план выдвигаются иные критерии, связанные, прежде всего, с пониманием характера национальных приоритетов, общей гуманистической ориентированностью стратегии, сложившимися традициями и т.д.

Обратим внимание, что сегодня никто фактически не заявляет, что «перед философами стоят задачи стратегического характера, высокой общественной значимости». Перед кем такие задачи только не стоят: перед работниками деревообработки и кожевенного цеха, машиностроителями и учителями, медиками и работниками социального обеспечения. А вот перед философами не стоят. Может, это потому, что как раз философы и должны ставить такие вопросы? Но, очевидно, недооценка философии, соответствующего сегмента знания – это дань и господствующему ныне в обществе настроению, основанному на прагматизме и креативности. Опасная тенденция, поскольку в основе любого философского тезиса слово «думать». А ведь если не думать, то жить-то как?

Lepeshko B.M. Philosophy and Epoch: in the Seeking of Themselves

The article deals with the problems related to the understanding of the nature and character of modern period and the role of philosophy in understanding its problems. The thesis is substantiated that there exists the underestimation of philosophical knowledge; the relevant objective and subjective arguments are given. Theoretical issues are considered on the examples of national state development, the character of the development of national theoretical (philosophical) thought.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.09.2014